
AD MEMORIAM

ПАМЯТИ ИРИНЫ ПЕТРОВНЫ РУСАНОВОЙ

Археология потеряла одну из преданнейших своих тружениц: 22 октября 1998 года не стало Ирины Петровны Русановой. Редко облик ученого так точно совпадает с внутренним содержанием выбранной темы. Славянство во времена первоначального формирования, с его скудным бытом, оставившим нам почти неуловимые следы, – все это удивительно соответствовало образу мыслей и самой манере жить Ирины Петровны. Скромность и полное пренебрежение к внешней стороне жизни были всегда основной ее чертой. Все это было присуще той среде, к которой она принадлежала. Ирина Петровна родилась 22 апреля 1929 г. в старой московской семье, отец был профессором исторической географии, мать – учительницей математики. Человеческое достоинство, верность убеждениям и честное служение выбранному делу жизни были присущи этой семье во многих поколениях.

Ирина Петровна следовала принципам неуклонно. Поступив на исторический факультет МГУ и выбрав себе специальность, она осталась археологом-славистом до конца жизни. После окончания Университета в 1953 г. Ирина Петровна поступила в аспирантуру ИИМК и стала ученицей П.Н. Третьякова. Тема ее кандидатской диссертации была посвящена древлянам, но материалов для работы над ней было мало и было абсолютно необходимо получить новые данные об этом славянском племенном союзе. Для этого Ирина Петровна, охотно приняв предложение Ю.В. Кухаренко участвовать в работах его экспедиции в Припятском Полесье, начала свои многолетние и многотрудные разведки на этой земле. Фактически именно Ю.В. Кухаренко и стал ее учителем, прежде всего в полевой исследовательской работе. Благодаря его совету Ирина Петровна взяла для дальнейшей работы тему, которой посвятила многие годы жизни, а именно «пражскую» культуру.

Поступив в 1957 г. в Институт Археологии, она продолжила работы в Полесье уже само-

стоятельно, в качестве начальника Древлянско-го отряда. При ничтожно малых средствах, отпускаемых Институтом, кажутся просто невероятными размах работ этого отряда и, главное, результаты, получаемые при разведках и небольших раскопках в целом очень слабо изученном районе. По-русановски обстоятельно, учитывая и перепроверяя опубликованные данные, Ирина Петровна пошла вслед за Ю.В. Кухаренко по дорогам, проторенным и намеченным им. Несмотря на предельную загруженность полевой работой и обработкой полученных материалов, она уже в 1958 г. защитила кандидатскую диссертацию и подготовила на ее основе в серии САИ небольшую книжку «Курганы полян X-XIII вв.».

В ней были рассмотрены погребальные обряды на территории всего Среднего Приднепровья (материалы более 200 могильников), выделены характеризующие их признаки с их последующим картографированием. А это позволило определить ареал полянских курганов, их распространение на смежных территориях, выявить особенности и очертить территорию древлянских обрядов и даже, несмотря на незначительность инвентарей, предложить датировку исследованных материалов и эволюцию обрядов. Историзм этой работы, построенной исключительно на неизвестных науке данных, очевиден: ее выводы почти точно совпадают с границами Русской земли IX-XI вв., намеченными А.Н. Насоновым. Так была подведена черта под первой большой темой, взятой Ириной Петровной в начале ее пути по запутанным тропам археологии и полностью доведенной до конца.

Между тем, Ирина Петровна продолжала полевые работы, проводя в разведках и раскопках ежегодно по 4-6 месяцев. Скромность быта в ее экспедициях поражала новичков, но постоянные ее попутчики, становившиеся на долгие годы домашними друзьями, от младших коллег-археологов до шоферов и членов их семей, безоговорочно принимали его. Время тратилось

только на работу и она сама была примером, которому было как-то неловко не следовать. Количество открываемых ею раннесредневековых славянских памятников в междуречье Днепра и Западного Буга пополнялось с каждым полевым сезоном, ряд наиболее крупных поселений был частично или полностью раскопан. Были прекрасно исследованы жилища того времени, их устройство, как устройство и других построек на поселении и, что особенно важно, планировка многих поселений.

Хорошо известно, как бедны вещами славянские памятники. Скучность каждодневного быта древних славян Ирина Петровна объясняла просто и абсолютно уверенно: «значит, у них была богатая духовная жизнь». Единственно, чего было много, это керамики. Необходимо было разобраться в массе серого, на первый взгляд неподъемного и неинформативного материала. Ирина Петровна пришла к заключению о неизбежности восстановления полных форм разбитых и разбросанных на поселении сосудов. Для этого долгие месяцы по 12 часов в сутки она проводила в полуподвальной душевой «секторалке» Института, клеила и реставрировала горшки, восстановив полностью около 80 сосудов и в 10 раз больше – частично, верхнюю или нижнюю их части.

Нерасположенная к болтовне во время работы, Ирина Петровна любила кратко резюмировать ее цель: «главное, уловить закономерность». И она ее уловила. Тщательные измерения сосудов показали, что пропорции горшка и градус отгиба венчика – величины показательные и их можно положить в основу типологии. Работа завершилась созданием четкой типологии, что и дало возможность доказать деление раннеславянской культуры типа Корчак на два хронологических периода: VI-VII и VIII-IX вв. Прежде это не удавалось сделать никому из исследователей. Использование пропорций сосудов в качестве основной их характеристики стало открытием Ирины Петровны Русановой.

Результатом этой буквально титанической полевой и камеральной работы стало написание обобщающей книги о памятниках типа Корчак и их значении в истории восточных славян и Руси. Она вышла вновь в серии САИ: «Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом» (1973). По существу, это подробная публикация великолепно обработанных, превращенных в исторический источник материалов. Выводы автора обоснованы весьма фундаментально, но порой излишне лаконично. Здесь идея о «краткости – сестре таланта», всегда довлевшая над Ириной Петровной, как будто не оправдала себя. Математическую точ-

ность и краткость в изложении мыслей Ирина Петровна всегда ценила превыше всего, отсюда и паническая боязнь всякой красоты и аскетическая скупость в изложении. Оценку важности своих наблюдений и широты выводов она оставляла читателю, далеко не всегда к этому готовому.

Практически одновременно, в первой половине 70-х годов, Ирина Петровна работала над монографией «Славянские древности VI-VII вв.» (1976), которая стала обобщением тех материалов, которые были опубликованы в предыдущей книге и стали как-бы фундаментом новой, защищенной в качестве докторской диссертации в год ее издания. В этой работе Ирина Петровна дала этнографические признаки славян в тот период их истории, когда они, расселившись на огромных пространствах, создали единую культуру. Это прежде всего горшки со строго выдержанными пропорциями, полуземлянки с печами-каменками и небольшие могильники с урновыми трупосожжениями. Дополнительные признаки также весьма существенны, но они имеют значение только в сочетании с основными: малые размеры поселений, земледельческая экономика, отсутствие металлических украшений, патриархально-общинный строй. До книги Ирины Петровны в славяноведении не было столь определенно выраженных доказательств существования единой славянской культуры, распространенной на землях Юго-Восточной, Восточной и частично Центральной Европы.

Этой книгой завершился почти двадцатилетний этап жизни в науке Ирины Петровны Русановой. Все это время она неизбежно сталкивалась со значительно более сложным материалом, относящимся к ранним эпохам формирования славянства, к его этногенезу. Естественно, что Ирина Петровна попыталась наметить пути решения этой дискуссионной проблемы на конкретном археологическом материале, избрав для этого наиболее добросовестно изученные древности пшеворской культуры. Несколько лет она штудировала множество книг и статей, посвященных этой культуре. Обработку опубликованных керамических материалов она вела прежними чрезвычайно трудоемкими методами, что дало возможность выделить в пшеворской культуре три этнических компонента: славянский, германский, кельтский и наглядно показать сложные процессы, протекавшие в рамках этой культуры, фактически первые шаги славянского этногенеза.

К сожалению, Ирина Петровна не пожелала публиковать свое исследование полностью, ограничившись несколькими статьями. Она по-

лагала, что не имеет право писать книгу, не ознакомившись лично с пшеворскими материалами, а в командировке в Польшу и Германию (ГДР) ей было отказано. Но никакие обстоятельства для Ирины Петровны не могли стать причиной остановки в работе. Она снова вернулась к активной полевой работе. Из Среднего Приднепровья она перешла на юго-западную окраину восточнославянского мира – в Северную Буковину. Так возникла Славянская экспедиция, совместная с Черновицким Университетом. Руководителями ее стали Ирина Петровна Русанова и ее муж Б.А. Тимошук. Симбиоз таких крупных археологов-полевиков дал блестящие результаты. Им удалось выявить гнездовое расположение славянских поселений VI-X вв., изучить структуру их гнезд, планировку, убедительно проследить следы связей пражской культуры с предшествующими культурами – черняховской и культурой «карпатских курганов». Два поселения (Кодын I и II) были раскопаны большими площадями, и это позволило разделить культурный слой VI-VIII вв. на несколько периодов. Впервые удалось выявить здесь комплексы, которые можно датировать V в., а это значит, что удалось удревнить начало формирования пражской культуры. Книга Ирины Петровны Русановой и Б.А. Тимошука «Кодын – славянские поселения V-VIII вв.» стала большой удачей: в ней авторам, несмотря на небольшой объем (7 а.л.), удалось издать материалы по комплексам, чему в немалой степени способствовал дар Ирины Петровны предельно сжатого изложения.

Последний этап жизни Ирины Петровны был полностью связан с работой Прикарпатской экспедиции (1982-1989) и далее, до последних дней жизни, с изучением и решением множества проблем, которые встали перед ней после открытия материалов уникальнейших памятников – славянских святилищ IX-XIII вв. Они располагались на берегу реки Збруч, где еще в 1848 г. был обнаружен утопленный в реке «Збручский идол», о котором написаны сотни трудов, выдвинуто множество гипотез о его этнической принадлежности и времени создания.

Тотальные исследования берегов Збруча завершились открытием расположенных на высоких холмах трех городищ-святилищ. На двух из них были проведены значительные раскопки. Они были трудными: поверхность городищ и расположенных рядом поселений сплошь заросла реликтовым лесом, и пришлось иссле-

довать их не большими площадями, а выборочно закладывать раскопы на участках, свободных от деревьев. И все же результаты оказались потрясающими. На городище Богит было открыто место Збручского идола: яма в центре круглой площадки-капища, форма и размеры которой совпадали с основанием идола. Установлена и датировка этого уникального памятника. Как и святилище, он относится к концу X – первой половине XIII в. Открытие святилищ стало подтверждением выказанного, в частности, Б.А. Рыбаковым тезиса о существовании двоеверия на Руси. Языческие боги не умерли с принятием Владимиром христианства, они продолжали жить не только в душах людей, но и в переместившихся из центральных областей в глухие леса громадных святилищах. Там творили им требы вплоть до монгольского нашествия. Представляется весьма важным открытие человеческих, в том числе детских, жертвоприношений, что было характерно и для святилищ, открытых в землях западных славян – Германии (в Арконе), в Польше (Шлонжа, Добжешув) и др.

Трудно даже перечислить, сколько было сделано блестящих открытий и сколько возникло неожиданных проблем при изучении этих памятников. Следует к тому же добавить, что и в других обнаруженных в бассейне Прута и Днестра гнездах поселений Прикарпатская экспедиция зафиксировала остатки святилищ, правда, не столь представительных. Необычность открываемых фактов, их новизна и неожиданность, естественно, вызывали сомнения и даже бурные протесты и археологов, и историков-религиоведов. Вполне осознавая важность своего открытия и необходимость как можно скорее донести его до сведения широкой археологической аудитории, авторы поспешили сделать его общедоступным, постоянно публикуя сведения о еще не законченных полевых работах, ежегодно вводя все новые данные в широкий научный оборот. А в 1993 г. вышла из печати их общая монография «Языческие святилища древних славян».

Никто тогда не думал, что Ирине Петровне отпущено только еще пять лет жизни и что они будут такими тяжелыми. Но все же и в эти годы она работала. Те, кто ее любил и знал, согласятся с тем, что ей выпала нелегкая, но счастливая доля: прожить жизнь не покрывя душой и исполнить свой долг, научный и личный, до конца.

С.А. Плетнева, Т.И. Макарова.